

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИРА В ЗЕРКАЛЕ КОММУНИКАЦИИ

Т.В. Чапля

Новосибирский государственный
педагогический университет

chap_70@mail.ru

В статье рассматриваются особенности внешних форм протекания коммуникации и механизмы создания, передачи сообщений, особенности и роль знаковых форм передачи сообщений. Особое внимание уделяется таким понятиям, как код, язык, знак. Детально исследуются условия протекания коммуникации, адекватного восприятия информации и партнеров по коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, код, язык, знак, интерпретация.

Коммуникация неизменно сопровождает развитие человеческого общества. В связи с этим решающее значение приобретают формы передачи сообщений (информации), или знаковая система, с помощью которой информация оформляется и направляется к объекту, что и является предметом анализа в данной статье.

Только знаковая форма, которая понятна и удобна как для субъекта, так и для объекта коммуникации, делает оптимальным весь ход процесса взаимодействия. В случае неадекватности знаковой формы, выбранной при создании и передаче сообщения субъектом, акт приема и потребления информации объектом может совершиться частично или не совершиться совсем.

Если под коммуникацией подразумевать осмысленное взаимодействие, то коммуникативное понимание — это понимание знакового смысла сообщения. Процесс осмысления непосредственно связан с психическим отражением объектов познания (сообщений), в результате которого создаются и воссоздаются прежние, но по-новому увиденные, так или иначе эмоци-

онально окрашенные системы концептов и образов. Более узко под смыслом одного определенного сообщения можно понимать то содержание, которое слово (высказывание, оборот речи и т. д.) получает в данном контексте употребления, в данной речевой ситуации.

Вслед за Н.И. Жинкиным можно дать определение сущности коммуникации: «В процессе коммуникации происходит преодоление устаревшей информации и переустройство памяти на новую, более совершенную. Это достигается тем, что наличная информация, принятая при участии аналоговой сенсорики (непосредственно доступная интеллекту), преобразуется в сети интеллекта на множество дискретных единиц, соответственно накопленной ранее системе предметных отношений (знаний). Обработка интеллекта состоит в том, что возникает гипотеза о более оптимальном распределении с учетом новой информации, и этот “замысел” поступает на речевой выход»¹.

¹ Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин — М.: Наука, 1982. — С. 92.

Целью коммуникации, как правило, является адекватная передача информации. Положительным ее результатом принято считать ситуацию, когда информация, полученная адресатом, полностью идентична той, которую отправил адресант, и наоборот. В идеальной ситуации необходимо, «чтобы они (участники взаимодействия – Т. Ч.) в семиотическом отношении представляли как бы удвоенную одну и ту же личность, так как код включает в себя не только набор правил шифровки-дешифровки сообщения, но и обладает многомерной иерархией»². Но подобная ситуация возможна только теоретически, на практике дело обстоит несколько иначе. Для адекватного понимания передаваемого сообщения необходим ряд условий. Субъект и объект должны пользоваться абсолютно идентичными кодами, обладать единством языкового опыта, тождественным объемом памяти, единством представлений о норме, языковой референции и прагматике, одним способом усвоения традиций и реализацией их по одинаковым индивидуальным законам. Выполнение всех этих условий, или даже одного из них, невозможно в силу неповторимости личности каждого человека.

Понятие кода подразумевает представление о структуре, искусственно созданной и введенной благодаря договоренности. Код ориентирован на искусственный язык, естественный язык – это не только код, но и некоторая история, которая имеет индивидуальное развитие и преломление. Гипотетически передача информации внутри структуры, пользующейся искусственным языком, действительно гаран-

тирует участникам коммуникации высокую степень понимания, но его ценность будет очень невысока, а количество передаваемой информации – строго ограниченным; можно сказать, что участники такого взаимодействия очень хорошо смогут понимать друг друга, но им будет не о чем говорить. Использование кода действительно является эффективным средством передачи информации в определенных случаях: при отдаче команд, в различных чрезвычайных ситуациях и т. п.

Согласно У. Эко, код устанавливается тогда, когда участник взаимодействия имеет в своем распоряжении набор известных символов, из которых он осуществляет выбор, комбинируя их по известным правилам. Благодаря этому формируется приблизительная структура кода, включающая в себя две оси: вертикальную – парадигматическую (набор символов и правил их сочетания) и горизонтальную – синтагматическую (комбинация символов, представляющих собой речь). «Код – это факт культуры, который описывается с помощью системы отношений, устанавливаемой кодом и усваиваемой данным сообществом в данное время»³. Таким образом, код является результатом селективного отношения человека к окружающему миру, а также средством описания и освоения этого мира, так как по мере роста информации об окружающей действительности возникает потребность в создании определенных схем, которые бы упрощали возможность «овладения» этим миром. Код в конечном итоге становится средством управления (в некотором смысле) процессами, протекающими в культуре и обществе, т. е. выполняет роль некоторого уни-

² Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 13.

³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М.: Петрополис, 1998. – С. 62.

фицирующего средства, позволяющего людям понимать друг друга, объединяя их тем самым в единое сообщество. Код служит транслятором различного рода информации, является средством осуществления коммуникации.

По мере создания и развития кодовых систем оформляются особые структуры восприятия и отражения мира и отношений внутри него. Такой процесс схематизации, пронизывающий все структуры и уровни этого мира, имеет двойное значение: с одной стороны, он облегчает жизнь человека с себе подобными, именно потому что дает ему в руки инструмент не только познания, но и понимания себя и другого; с другой стороны, ограничивает свободу индивида, предлагая ему готовые средства и системы символов по освоению мира. Следует отметить, что коды являются продуктами культуры, они оформляются и изменяются в ходе ее эволюции и в результате оказываются совместимыми с большим количеством других систем.

Существование кодов играет большую роль в создании комплексных систем, причина этого кроется в способности кодов к одновременной универсализации и спецификации. При этом, как подчеркивает Н. Луман, каждый код строится на сопряжении позитивного и негативного, и смысл заключается не в длительности или вероятности распределения этих возможностей, а именно в наличии таковых, что способствует дальнейшему развитию процессов взаимодействия.

Эффективность кода зависит от степени абстракции, с помощью которой он отражает ту или иную систему отношений. Главный признак кода – это его обезличенность, позволяющая выстроить дифференцирующую схему безотносительно к

какому-либо конкретному лицу. Явно, что по мере накопления информации о том или ином фрагменте окружающей действительности код все меньше будет зависеть от конкретного лица и все больше – от условий самого кода. То есть получается, что чем больше дифференцируются области, охватываемые кодом, тем большее влияние он будет на них оказывать, определяя условия и возможности их существования и взаимодействия. Параллельно с этим будут идти процессы дифференциации внутри каждой отдельной системы общества и культуры, в итоге это приведет к возникновению смежных кодов, которые будут отличаться большей конкретностью и контекстуальностью, но меньшей степенью нормативности и публичной «выразительности», зависимостью от внутрисистемного функционирования и других специфических особенностей (умения нравиться, знания своего окружения, истории).

Главное требование, предъявляемое ко всем кодам, заключается в том, что они не должны мешать способности участников взаимодействия к переработке информации. Один из таких кодов – язык. В первой половине XX в. была выдвинута гипотеза Сепира–Уорфа, согласно которой язык имеет абсолютную ценность, так как логический строй мышления всецело определяется языком. Характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект. Люди членят мир, организуют его в понятия так, а не иначе, поскольку являются участниками некоторого соглашения, имеющего силу лишь для этого языка. Признание абсолютной ценности языка дает основания говорить об отсутствии объективного, общезначимого характера познания, потому что язык, согласно гипотезе Сепира–Уорфа,

предстает как самодовлеющая сила, творящая мир, а не как результат отражения человеком окружающего мира.

Таким образом, можно говорить о подчинении человека языку, о невозможности посредством языка выражать внутренние состояния, так как для выражения боли или радости обычно используют жесты, иногда междометия, а язык способен только именовать, но, с другой стороны, мы не можем выразить себя, свою субъективность и сообщить о ней без помощи языка.

Э. Сепир и Б. Уорф подходили к языку, отталкиваясь от непосредственных наблюдений за речевыми процессами. Примерно в это же время лингвисты исследовали язык в других, более «теоретических» аспектах. Ф. де Соссюром и его последователями изучалась структура языкового знака. В конечном итоге и этот подход вывел ученых к проблемам взаимосвязи восприятия мира и языка и объективного характера картины мира.

Ф. де Соссюр представил язык как сложную знаковую систему, построенную на принципах соответствия означаемого и означающего. Теория Ф. де Соссюра стала почвой для толкования языка как константной структуры, доступной всем членам общества. Это толкование основывается на том, что означающее и означаемое в языке находятся в отношении строгой взаимной предопределенности, вследствие чего языковые знаки поддаются одинаковой интерпретации со стороны всех членов данного языкового коллектива, что и обеспечивает им лингвистическое тождество за счет того, что сами эти знаки предстают как номенклатура языковых средств, пригодных для выражения любых мыслей, одинаково послушных и безразлично обслуживающих все группы и слои общества.

Такой подход удобен для различного рода классификаций, применяемых для описания языка классической лингвистикой. Но функционирующий язык не может быть системой тождественного соответствия означаемого и означающего, напротив, он осуществляется и множеством отступлений от тождественности, поэтому корректно говорить о соотносительности плана формы и плана содержания. Язык осуществляется в речи. Концепция разделения речи и языка принадлежит Ф. де Соссюру. Он последовательно различал речь как результат использования языка при индивидуальном говорении и язык как систему взаимосвязанных знаков. Речь в его понимании индивидуальна, линейна, явно наблюдаема, язык же, напротив, социален, нелинеен (многомерен) и воспроизводится только умозрительно.

Взаимоотношения между речью и языком можно назвать диалектическими. Язык определяет речь, так как считается с условиями коммуникации, именно он прокладывает путь от интеллекта к действительности, чтобы партнеры от субъективных восприятий действительности перешли к объективному ее пониманию. Речь содержит неизмеримо больше информации, чем язык, она содержит информацию о языке, о той части действительности, о которой говорится в речи, и о говорящем человеке во многих аспектах.

Любой акт речи, как и акт коммуникации, включает в себя отправителя (субъекта), получателя (объекта), форму сообщения, канал связи, код, тему, обстановку, что дает право рассматривать акт речи как взаимодействие сквозь призму субъектно-объектных отношений.

Взаимодействие в сфере общения осуществляется, как правило, через речевую

коммуникацию, которая включает в себя следующие элементы: по меньшей мере два коммуникативных партнера; предмет или событие, по поводу которого организуется общение; знак (знаковая система), посредством которого коммуникативные партнеры сообщают друг другу относительно предмета или события то, что они мыслят или чувствуют. В широком смысле слова коммуникация включает отношения между людьми, основанные на использовании языка, познание, оценку и влияние субъекта и объекта коммуникации друг на друга посредством знаков или знаковых систем.

Язык также – это система, в которой представлены объективная действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его мыслями, чувствами, поступками. В языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах этого взаимодействия. Следует подчеркнуть, что «отдельные люди, усваивая язык, пользуются им не только в общении, но и во всей своей языковой по форме, т. е. сознательной, психической деятельности. Язык также участвует в мышлении, как и в общении, оформляя мысль или фиксируя ее для индивида. Язык участвует в таких собственно мыслительных функциях, как осознание эмоциональных переживаний путем их означения или означения запоминаемого содержания и включение его в соответствующие словесные связи для удержания в памяти и т. д.»⁴. Конечно, язык не может существовать вне культуры, вне системы социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни.

⁴ Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / 2-е изд. стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 66.

Внутри любого культурного сообщества существуют определенные группы и слои, которые выстраивают свой собственный язык. В зависимости от того, как члены данного говорящего сообщества относятся к соблюдением правил использования языка, складываются языковые особенности различных функциональных подсистем.

В каждой социальной группе, по утверждению Р. Барта, складывается своя картина восприятия мира, побуждающая индивида думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те элементы действительности, которые признаны данной картиной восприятия мира. На индивидуальном уровне это приводит к тому, что из накопленных форм восприятия мира индивид заимствует «свой язык», а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности. Поэтому человек в силу использования «чужого языка», уже существовавшего до него, многократно использованного и используемого другими, обречен «разыгрывать» свои собственные эмоции и чувства на чужой «языковой сцене».

Благодаря возможности перехода от индивидуального, субъективного к интерсубъективному, и в этом смысле к объективному, усвоение правильного употребления языковых выражений можно рассматривать как усвоение соответствующих различий (или классификаций) в мире, что является необходимым условием социальной коммуникации различных носителей языка.

Одной из особенностей языка является то, что «относительно небольшой набор лингвистических элементов функционирует в огромном множестве разных контекстов и обстоятельств... Большинство слов или даже более крупных лингвистических единиц (units) обладают опре-

деленной степенью неясности, неопределенности и двусмысленности. Эти свойства делают слова и выражения более многогранными и широкоохватными, что позволяет им удовлетворять самым разным требованиям, которые может предъявлять к ним обыденный дискурс⁵. Из этого следуют определенные свойства языка: неясность, неопределенность (слово, по мнению А.К. Кафанья, можно считать неопределенным, если в том контексте, в котором оно появляется, оно дает меньше информации, нежели дало бы какое-то другое слово), полисемия.

Так как язык пронизывает собой весь социальный мир, то он выполняет функцию объективации и устанавливает порядок, в рамках которого этот мир приобретает значение и смысл. Благодаря этому язык позволяет создавать определенные схемы интерпретации (типизации) реальности, способствующие пониманию и общению. В итоге получается, что социальная жизнь человека – это жизнь, которую он разделяет с другими посредством языка. Каждый индивид начинает свою жизнь с последовательного вхождения в социум, культуру. Главным здесь является процесс интернализации, непосредственного постижения или интерпретации объективного факта как определенного значения, как проявления субъективных процессов, происходящих с другим. Это означает, что «Я хорошо понимаю другого» (но не обязательно правильно). Интерпретация составляет основу понимания, с одной стороны, других людей, с другой – мира как значимой и социальной реальности. Основным инструментом понимания выступает

⁵ Кафанья А.К. Формальный анализ определенных понятия «культура» // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 92–93.

язык. Вместе с языком и посредством языка различные мотивационные и интерпретативные схемы интернализуются в качестве институционально определенных.

П. Бергер и Т. Лукман предлагают рассматривать повседневную жизнь индивида как процесс выработки им речи, речевых моделей, которые постоянно поддерживают, видоизменяют и реконструируют его субъективную реальность. Только благодаря речи одни предметы окружающего мира «выпадают» из него, другие, наоборот, добавляются, одни сектора как само собой разумеющееся ослабевают за счет усиления других. В результате субъективная реальность того, что никогда не проговаривается, оказывается шаткой. Именно речевой акт дает четкие контуры ранее расплывчато и неясно определяемым предметам, он словно рождает их из небытия. «Индивид “вговаривает” себя в эти сомнения, они объективируются как реальность в рамках собственного сознания»⁶. То есть речь поддерживает реальность, «проговаривая» различные элементы опыта и «помещая» их в определенные места окружающего мира.

Таким образом, язык реализует мир в двояком смысле: он его постигает и он его производит. «Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования... В самом широком смысле поддерживающими реальность другими будут все те, кто использует тот же самый язык. Значимость этого можно проследить по тому, что подразумевается под “общим языком” – от групповых предпочтений в первичных группах к региональным или классовым диалектам и к национальному

⁶ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 249.

сообществу, которое определяет себя посредством языка»⁷.

Из такого рода рассуждений следует, что общение, его интенсивность, частота, последовательность и согласованность будут являться основным условием эффективного поддержания существующей реальности. В противном случае может произойти утрата образа окружающего мира, рассогласование между отдельными его фрагментами, что, в свою очередь, может стать причиной утраты индивидом связи с миром и с самим собой. Чтобы этого не происходило, общество и культура вырабатывают различные техники предотвращения подобной ситуации (например, переписка с родственниками, находящимися на расстоянии, и т. п.). При этом формируются определенные виды и правила общения, например контакты между людьми, имеющими различные социальные статусы.

Возможна и другая ситуация – когда субъективная реальность полностью трансформируется. Такое тотальное изменение реальности, ее образа принято называть альтернативой. Более наглядно ее можно представить как «демонтаж» предшествующей структуры субъективной реальности, самым ярким примером в истории может быть момент религиозного обращения. Наиболее легко он протекает в ситуации полной изоляции от прежнего окружения, но это не всегда возможно, поэтому вновь возникшее сообщество будет выполнять функцию по «уничтожению» прежней реальности и созданию новой. Одним из ключевых моментов является изменение аппарата общения и состава собеседников. Так как происходит процесс тотального изменения окружающего мира, то все его эле-

⁷ Сепир Э. Указ. соч. – С. 249–250.

менты, включая значимых других, должны быть истолкованы заново, переопределены.

Как правило, реинтерпретация также предполагает перетолкование прошлых событий и лиц, которые ранее обладали значимостью. Все это осуществляется с помощью одного и того же языка благодаря тому, что «язык выделяет совместно пережитые отрезки жизни, фиксирует их и закрепляет текучую фактуру познаваемой реальности – язык может даже стереотипизировать совместно познанный материал. Но эта стереотипизация не сходна с той стереотипизацией, что опирается на общие понятия, которые хотя тоже выполняют функцию называния, но изымают подлежащее обозначению из специфического пространства опыта. Интересующий же нас вид стереотипизации отличается тем, что он не обобщает, не развивается в сторону классификации явлений по признаку рода и вида (классификации, которая стремится абстрагироваться от всякого особого пространства опыта), а признает свою связь со специфическим пространством опыта и свое субъективное отношение к нему, свой перспективизм, выделяя из него лишь сиюминутное, уникальное, единственное в своем роде»⁸. Именно стереотипизация выступает той формой абстракции, которая приводит к более или менее стандартной, хотя и довольно расплывчатой, концептуализации обыденного мышления и к неизбежной многозначности слов обыденного языка.

Любой язык можно рассматривать как некий набор соотношений, который предопределяет, какие черты или фрагменты ре-

⁸ Мангейм К. Избранное: Социология культуры. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 389.

ального мира будут достойны выражения, а также то, какие качества этих черт и какие отношения между ними будут заслуживать внимания и какие типизации, концептуализации, абстракции, обобщения и идеализации будут релевантными для достижения типичных результатов типичными средствами.

Язык, с точки зрения А. Шюца, позволяет людям процесс переживания окружающего мира и самих себя в нем подвести под общие схемы опыта, другим словами, интерпретировать их, что и является результатом соотнесения знака с тем, что он обозначает. Таким образом, происходит сведение незнакомого к знакомому, в итоге подобные схемы опыта сами можно рассматривать как готовые, предварительные знания, и тогда уже сами схемы опыта становятся схемами интерпретации.

Следовательно, вступая во взаимодействие с другими людьми, мы вступаем во взаимообмен определенными схемами опыта или интерпретаций, которые лежат в основе нашего взаимопонимания. Подобные схемы А. Шюц называет знаками. «Знаковые отношения представляют собой особое отношение между интерпретативными схемами, прилагаемыми к предметам внешнего мира, называемым знаками»⁹.

При этом он так же, как и другие исследователи, считает главной функцией знака – функцию замещения. В коммуникации акт знакового понимания предполагает, что означающее интерпретируется не как сам предмет, а как то, что он обозначает.

Смысловой контекст, который будет соединять эти знаки как интерпретативные схемы в понимаемый знак для того, кто его подает и интерпретирует, А. Шюц

называет «знаковой системой». Необходимо отметить, что такого рода смысловые контекстные связи возникают не между самими знаками, а между значениями этих знаков, т. е. тем «для чего знак, является знаком», а так как эти значения постигаются только с помощью знаков и в знаках, то между ними должна обязательно существовать связь.

Одной из особенностей знака является его относительная объективность существования по отношению к тому, кто его использует, т. е. он принадлежит знаковой системе независимо от знания о том, что значит данный знак и выражением какого переживания сознания подающего его он является.

Следовательно, любую знаковую систему можно рассматривать как схему нашего опыта в двояком смысле. Во-первых, это схема выражения, т. е. знак уже, по крайней мере однажды, употреблялся субъектом для означаемого, даже если это и не осознавалось самим субъектом. Во-вторых, знаковая система – это интерпретативная схема, т. е. субъект уже толковал прежде соответствующий знак как знак данного означаемого. Владение знаковой системой, например языком, в таком случае подразумевает постижение значения отдельного знака в рамках данной системы с эксплицитной ясностью. Это возможно только тогда, когда знаковая система (язык) и входящие в нее отдельные знаки уже имеются в наличии в модусе знания как схема выражения и как схема интерпретации.

Исходя из данного Ф. де Соссюром разграничения между парадигматическими и синтагматическими отношениями в языке, Р. Барт описывает несколько типов отношений, присущих знаку. Во-первых, внутренние отношения, соединяющие означа-

⁹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 1993. – С. 830.

ющее с означаемым, при этом знак относится к некоторой определенной типологической группе, из которой он извлекается для включения в речь. Во-вторых, внешние отношения, которые присоединяют знак к другим знакам в высказывании, располагая их позади или впереди других в речевой цепи. Эти отношения предполагают существование для каждого знака определенно упорядоченного множества форм, от которых он отличается благодаря некоторому минимальному различию, необходимому для изменения смысла. Здесь знак соплагается уже не со своими «братьями», а со своими «соседями», в результате образуется некоторая кратковременная значимая связь между ними.

Взаимосвязь и взаимозависимость этих типов отношений постоянно присутствует в речи. Первый тип демонстрирует взаимодействие между формой и содержанием, которое находится в постоянной динамике; второй тип реализуется в акте запроса: знак запрашивается из некоторого упорядоченного множества, и именно этот запрос порождает смысл сообщения. Для производства запроса человеку оказывается достаточно сделать выбор из уже готового набора элементов, что способствует соединению и разъединению взаимозаменяемых частей, комбинация которых производит смысл.

Подчеркнем, что правила употребления знаков и знаковых средств обычно не формулируются теми, кто их употребляет, или формулируются лишь частично, скорее они существуют как навыки поведения, так что фактически встречаются только некоторые сочетания знаков, и только некоторые сочетания знаков производятся от других, и только некоторые знаки применяются к определенным ситуациям.

Кроме того, что знаки характеризуются своим объективным содержанием информации о реальности, они имеют и субъективные черты. Вступая во взаимодействие с индивидом (объектом), каждый субъект не только дает знать о чем-то кому-то, но и узнает нечто от кого-то. Одновременно с этим он соединяет со знаком некий особый смысл, который связан именно с его личным опытом, в котором этот знак формировался и используется, это и есть та субъективная часть, которая «окружает» объективную часть, которая «окружает» объективный смысл знака, представляющий собой его тождественное ядро.

Но для того, чтобы мы, вступая во взаимодействие с другими людьми, могли понимать друг друга, в нашей памяти должно иметься предварительное знание о внутреннем мире того, кто использует знаки. Это то самое знание, которое лежит в основе опытно-познавательных актов, в которых означаемое (а вместе с тем и знак) утвердилось для того, кто его использует как знак, т. е. сообщает ему субъективный смысл, который интерпретатор сообщения должен истолковать наряду с объективным значением, чтобы понять того, кто этот знак адресует кому-либо. К этому субъективному смыслу добавляется еще «дополнительный» смысл – это то, что «прирастает» к знаку благодаря контексту, в котором он употребляется. Следовательно, смысл сообщаемого возможно установить только после интерпретации этих двух планов: объективного значения и субъективной функции выражения сообщенного знака адресатом. При этом можно выяснить, что имеет в виду адресант, сообщая что-либо, а именно свое переживание сознания, нацеленное на мотивы сообщаемого. Следует учитывать, что сообщение всегда осмысливается субъектом только в рамках некоторой

замышляемой деятельности, цель которой обычно находится за пределами самого акта коммуникации, так что сообщение мотивируется этой самой целью действия. Как пишет А. Шюц, «чтобы я не говорил тебе, говорю я это ради некоторого “для того, чтобы” или для того только, чтобы быть понятым тобой, или для того, чтобы вызвать некоторое твое особое поведение. Поэтому всякая передача сообщения мотивирована восприятием сообщения со стороны адресата, а именно, в модусе “для того, чтобы”»¹⁰. Нетрудно заметить, что цели, преследуемые субъектом коммуникации, совпадают с теми функциями, которые выполняет знак.

Систему отношений, возникающих в ходе социальных взаимодействий, в том числе коммуникации, можно рассматривать сквозь призму двух типов мотивов: 1) это мотив «для того, чтобы...» и 2) мотив «потому, что...». При этом их ориентация может соотноситься с прошлым и будущим положением дел, которое является желательным для субъекта. К мотивам «для того, чтобы...», согласно А. Шюцу, относятся все действия (в том числе речевые), которые замышляются как осуществившиеся и на которые ориентируется деятельность субъекта; мотивы же «потому, что...» относятся к давно прошедшим переживаниям субъекта, и к ним он обращается уже после совершения всей деятельности или отдельных ее фаз, причем все они для него имеют единственный смысловой контекст.

Таким образом, вступая в коммуникацию, субъект и объект не смогут понять друг друга, если им не удастся расшифровывать мотивы «для того, чтобы...», т. е. если им не будет понятен замысел действия

(сообщения), который объект, принимая информацию, может реконструировать в своем сознании.

Необходимо учитывать тот момент, что, вступая во взаимодействие, мы всегда ориентируемся на Другого. «Полагание смысла с использованием знаков в ситуации установки на Чужого – это совершение процесса сообщения, и “для того, чтобы” этого действия – вызвать у адресата особые процессы сознания, а именно – понимание со стороны адресата... всякое сообщение представляет собой социальное взаимодействие, тогда как всякое восприятие сообщения осуществляется в установке на Чужого»¹¹.

Процесс понимания включает два аспекта: интерпретацию и ее результат. При этом нужно помнить, что субъект коммуникации обладает своим определенным опытом, в соответствии с которым он и будет строить сообщение. Но как только сообщение будет сформулировано или оформлено, оно уже станет частью культурной реальности, приобретет свой особый, онтологический статус. Поэтому объект коммуникации уже будет иметь дело не непосредственно с адресантом, а с сообщением, в процессе интерпретации которого в сознании реципиента будут продуцироваться свои мысли и идеи. В таком случае коммуникацию можно рассматривать как процесс корреляции сознаний коммуникантов.

Нельзя забывать о том, что любое взаимодействие включено в определенный культурный контекст и протекает в нем. Контекст выполняет роль границы самих взаимодействий и интерпретативных процессов. Сколько бы ни говорили об индивидуальном, субъективном опыте отражения мира, следует помнить об относитель-

¹⁰ Там же. – С. 844.

¹¹ Там же. – С. 870.

ности этой точки зрения. Все люди, входящие в то или иное культурное сообщество, ограничены как в своих возможностях отражения (познания) мира, так и выражения этого понимания. Все смысловое поле культуры, в которое погружен человек, огромно, но не безгранично. Именно оно диктует нам законы восприятия, отражения и выражения познанного. Следовательно, основным из условий успешного протекания взаимодействий является принадлежность участников к единой культуре, что, в свою очередь, предполагает тождественное владение языком и совпадение «концептуальных схем» коммуникантов.

Если рассматривать коммуникацию изнутри, то в ней можно выделить тоже две стороны, которые связаны с ее структурой: креативную и интерпретативную (кодирование и декодирование сообщения). Процесс создания сообщения начинается с контакта субъекта с фрагментом реальности, что включает в себя совершение некоторых мыслительных актов или осмысление некоторого фрагмента культурной реальности с помощью определенной знаковой системы (например, языка). Любой мыслительный процесс не может протекать сам по себе. Наши мысли так или иначе облекаются в ту или иную материальную форму – знак. Только благодаря ему каждый, кто его использует, имеет возможность экспликации своих мыслей и их трансляции вовне. В силу того, что каждый из нас выступает носителем какой-либо культуры, мысли и идеи, возникающие в процессе взаимодействия, всегда имеют концептуальное обоснование.

Отметим, что само сообщение можно рассматривать как феномен культуры благодаря тому, что оно узнаваемо адресатом в своей существующей знаковой фор-

ме как сообщение, обладающее смыслом для адресата в том отношении, что оно может быть им осмыслено посредством процедуры интерпретации (декодирования).

Если сравнить процесс порождения сообщения и его расшифровки, то в первом случае субъект, создавая его, использует свое индивидуальное владение языком, опосредует (называет) определенные предметы определенными именами; во втором случае адресат осуществляет процедуру проверки соответствия знаков в контексте своего владения языком их предметному значению. Следовательно, «процедура интерпретации обладает двойственным характером, включая две операции: декодирование и некоторую дедуктивную операцию подведения декодированного содержания текста под основополагающие принципы концептуальной схемы адресата»¹². В итоге процедуры создания сообщения и его интерпретации носят двойственный характер: кодирование–декодирование, выведение–подведение – и являются обратными по отношению друг к другу.

Объективным основанием реализации успешных взаимодействий в культуре является наличие в данном культурном контексте некоторых образований, интересующих субъективно принимаемых в рамках данного культурного сообщества в качестве оснований осуществления взаимодействий. «Должна существовать принятая конвенциональная процедура, имеющая определенные конвенциональные результаты, включающая употребление определенных слов определенными лицами при определенных обстоятельствах»¹³.

¹² Там же. – С. 29.

¹³ Остин Дж. Избранное. – М.: Идея Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 35.

В.М. Соковнин выделяет следующие факторы, влияющие на процесс взаимопонимания: 1) уровень (степень) знания значений слов данного языка и знание предметной действительности, отраженной в этих значениях (то, что принято называть тезаурусом); 2) субъективная интерпретация интерсубъективных значений языка (которую ограничивает избыточность речи); 3) коммуникативный опыт индивидов; 4) индивидуальные способности декодирования чужой мысли, воспроизведения ее, перевода на собственный язык; 5) интерпретация воспринятой мысли. Сама процедура интерпретации тоже имеет ряд ступеней: интерпретация языка – объекта (его значений), интерпретация мысли – объекта (чужая мысль), выраженной с помощью слов. Другими словами, вначале можно говорить о «поверхностном» понимании, которое связано с извлечением из сообщения эксплицитной информации, поставляемой самой структурой языка, затем начинается «глубинное» понимание, т. е. извлечение из сообщения скрытой информации, эксплицирующейся только при наложении языковой информации на другие информационные структуры – психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т. д.

В итоге интерпретация представляет собой многоаспектный процесс, который регулируется общими прагматическими и коммуникативными целями, иерархиями ценностей, структурой проблемной области, социально-ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками участников взаимодействия. Соответственно и результат интерпретации в идеале представляет собой многокомпонентную структуру, которая включает в себя все возможные «проекции» языко-

вого содержания высказывания (сообщения) на всю структуру знаний адресата.

Сложна и противоречива деятельность участников коммуникации на уровне используемого ими языкового материала. Для интерпретации высказывания каждый из участников постоянно обращается к своей языковой памяти, к своему уникальному языковому опыту. Языковая память каждого формируется в результате бесконечного множества коммуникативных актов, реально пережитых или потенциально представимых. Каждая мысль пробуждает цитатный конгломерат, актуализируя отдельные его компоненты; те, в свою очередь, через различные ассоциативные связи притягивают к себе другие языковые частицы как возможные способы выражения мысли. Говорящий субъект (как и пишущий) реализует одни из них и исключает другие. Вследствие многократно повторяемых актов отбора мысль принимает все более четкие очертания по мере ее воплощения в конкретных языковых выражениях. Конечным результатом этого процесса является получившееся высказывание, которое представляет собой «компромисс между тем, что говорящий “намеревался” высказать (но само это намерение становится для него образно осязаемой действительностью лишь в ходе языкового воплощения), и тем, что “получилось” в силу свойств использованного языкового материала»¹⁴.

Подобная ситуация возникает и в момент восприятия чужого высказывания. Происходит перевод поступающего языкового материала в ассоциации и связи языковой памяти воспринимающего, поэтому весь смысловой образ коммуника-

¹⁴ Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 106.

ции непрерывно движется в сознании участников.

Важную роль при осуществлении взаимодействия играет не только единство мира образных представлений партнеров, но и представление о личности партнеров, предшествующий опыт контактов, понимание жанровых, ситуативных, тематических условий общения. Для общения типично обсуждение мнений партнеров по поводу актуальных для них проблем, сообщений, ситуаций, что, в свою очередь, может привести к взаимодействию или противостоянию, взаимопониманию или поляризации, взаимообогащению или размежеванию, к формированию ценностных представлений субъекта и объекта. Сравнение оценок и ценностей участников коммуникации задает степень их совместимости в деятельности и взаимодействии.

Таким образом, коммуникация – основной тип взаимодействия людей, который складывается в процессе развития общества и культуры и связан с необходимостью передачи информации. Направление и конфигурация коммуникативных взаимодействий очерчиваются многообразными отношениями, в которые вступает индивид на трех уровнях: в практике оперирования вещами, в межличностном общении и в ситуации обращения к культурным ценностям. На каждом из уровней формируется свой ценностно-коммуникативный контекст, в

котором действуют особые механизмы образования и трансформации знаний, свои критерии и формы рациональности, а тем самым и особые способы ведения рассуждений, т. е. типы мышления.

Литература

Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Жинкин Н.П. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 160 с.

Кафанья А.К. Формальный анализ определений понятия «культура» // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 728 с. (Культурология. XX век).

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / 2-е изд. стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 216 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Мангейм К. Избранное: Социология культуры / К. Мангейм. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 656 с.

Остин Дж. Избранное. – М.: Идея Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 1993. – 1056 с. (Серия «Книга света»).

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М.: Петрополис, 1998. – 432 с.